

СНЕЖНЫЕ ПТИЧКИ и другие

Сергей Крускоп

Снежные птички и другие

«Автор»

2024

Крускоп С.

Снежные птички и другие / С. Крускоп — «Автор», 2024

Рассказы, вошедшие в этот сборник, были написаны в разное время и немного в разных жанрах, так что объединяет их, главным образом, фэнтезийная составляющая и авторство. Первые три - совершенно самостоятельные, то есть не входят ни в какие циклы и не связаны сюжетно с другими произведениями. Последние три формально относятся к тому же миру, где происходит действие "Дыхания дракона" и "Ночи дракона" (если кто-то еще помнит такие произведения - они увидели свет в конце нулевых годов). Если кто-то и правда помнит, то заметит и некоторых героев, общих с теми романами. Если нет, то и это не проблема: рассказы все равно самодостаточные и не требуют какого-либо знания предыстории.

Содержание

Коса на камень	5
Избранный	10
Полкоролевства	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Крускоп

Снежные птички и другие

Рассказы, вошедшие в этот сборник, были написаны в разное время и немного в разных жанрах, так что объединяет их, главным образом, фэнтезийная составляющая и авторство. Первые три – совершенно самостоятельные, то есть не входят ни в какие циклы и не связаны сюжетно с другими произведениями. Последние три формально относятся к тому же миру, где происходит действие "Дыхания дракона" и "Ночи дракона" (если кто-то еще помнит такие произведения – они увидели свет в конце нулевых годов). Если кто-то и правда помнит, то заметит и некоторых героев, общих с теми романами. Если нет, то и это не проблема: рассказы все равно самодостаточные и не требуют какого-либо знания предыстории.

Коса на камень

Было уже поздно (или, быть может, наоборот, еще рано – на всякое явление и событие, как правило, существует не менее двух точек зрения), когда Гаспар Иванович проснулся. Точнее, очнулся от того тяжелого забытья, что в последнее время заменяло ему сон. Очнулся, сел, и какое-то время сидел, бессмысленно глядя на плотно задернутые шторы и гадая, какое время суток за ними кроется. Затем медленно спустил ноги на пол, сунул худые ступни в поношенные шлепанцы из меха никому неизвестного животного и, кряхтя, поковылял к шторам.

За шторами крылось давно немытое окно, а по другую сторону испещренного разводами грязи стекла ползла грозящая просыпаться мелкой моросью хмарь, успешно делающая неотличимым раннее утро от позднего вечера.

Гаспар Иванович постоял, сутулясь, перед окном и решил, что все-таки скорее еще рано, чем уже поздно. А это хорошо, ибо, как гласит народная мудрость, кто рано встает, тому может перепасть что-нибудь полезное.

Возле своего привычного ложа Гаспар Иванович остановился и некоторое время его разглядывал, словно впервые увидел. Затем, неопределенно хмыкнув, пробормотал:

– Ребячество все это!

И закрыл ложе широким покрывалом.

Давно можно было уже раскошелиться и купить нормальную кровать. Хоть бы даже и под балдахином. Ну или раскладной диван – это куда как современнее. Но любое существо, видимо, наполовину состоит из застарелых привычек и ненужных традиций, вместе успешно потивостоящих голосу разума. Гаспар Иванович даже хехекнул негромко, представив себе балдахин. Нет уж, привычка – вторая натура, и не в таком возрасте эти самые привычки менять. Тем более что есть куда более актуальные проблемы.

На кухне было как-то пустынно и одиноко. Даже домовые паучки, соткавшие свои тенета в дальнем углу между посудным шкафчиком и стеной, не оживляли унылого колера стен и откровенно старой мебели. Гаспар Иванович неосознанно благоволил домовым паукам, никогда не бил их, в отличие от тараканов, тапком из меха неизвестного животного и по возможности старался не разрушать их паутину, хоть это и не всегда получалось. Например, когда одно из членистоногих задумало поселиться на ручке холодильника. Тут уж разрушения были неизбежны, поскольку Гаспар Иванович именно в холодильник и полез. Долго рылся там, шурша какими-то свертками или упаковками, затем, вероятно, махнул на цель поисков рукой, взял с дверцы четыре сырых яйца и, захлопнув холодильник, вылил их содержимое в большую «суп-

ную» чашку. Он сидел на табурете, задумчиво перебалтывал белки и желтки чайной ложкой и поглядывал на пауков. Пауки, попрятавшись в укромные уголки своих владений, в ответ настороженно поглядывали на Гаспара Ивановича – видимо, не доверяли ему. Пауки вообще редко кому доверяют.

Надо что-то делать. Собраться с мыслями, скинуть апатию. Гаспар Иванович выпил получившийся несладкий «гоголь-моголь», стер с усов остатки желтка и брякнул пустую чашку в мойку. Действительно встряхнулся, размял плечи и, накинув на эти самые плечи пиджак, направился к двери.

– Вечер добрый, Гаспар Иваныч! – окликнула его на лестнице соседка, живущая этажом выше, – Чой-то вас давно видно не было?

Соседка выглядела усталой, но в целом довольной. Возвращалась откуда-то, может, внуков ездила проводить. «Не иначе как невестке гадостей наговорила, вот и довольна», – злорадно подумал Гаспар Иванович.

– Да вот приболел малость, – откликнулся он.

– Ото я и вижу, какой вы бледный да исхудалый, – покачала головой соседка, – Вы б в поликлинику сходили!

– Ой, да толку мне с той поликлиники! – отмахнулся Гаспар Иванович, – Что эти врачи мне скажут, чего бы я не знал?!

– И то верно, – охотно согласилась соседка, – Они только деньги драть горазды. А с нас-то, стариков, чего им взять? Вот и лечут все подряд одним аспирином да валидолом! Вы лучше ко мне загляните, я вам травки сушеной отсыплю, знакомая одна дала, говорит: надо ее кипятком с вечера запарить, а утром пить понемногу – все болезни снимает как рукой!

Она еще чего-то говорила, а у Гаспара Ивановича внутри зрело какое-то чувство, темное и неправильное, которое он, осознав, немедленно постарался подавить. Глаза у него в этот момент стали, видимо, столь пусты и безучастны, что соседка прервалась и сословами: «Ой, что-то заболтала я вас, побегу! Так вы за травкой приходите», – уковыляла вверх по лестнице. Гаспар Иванович остался на лестничной клетке один.

Он подошел к краю лестничного колодца и, оперевшись в перила ладонями, глянул вниз и прислушался. На что – на что, а на слух он никогда не жаловался. И, похоже, сегодня удача была на его стороне.

* * *

– Нинка, ты там поосторожнее!

– Ой, да чего мне сдееется?!

– Ну да мало ли чего! Тут большой город, мало ли кто по улицам ввечеру шляется! Тут и маньяки, говорят, всякие водятся!

– Да ладно тебе, Олька, – отмахнулась Нинка, – Я до супермаркета и обратно. Одна нога здесь, другая там!

– Хлеба мне зернового купи! – крикнула ей вслед Олька, – И пельмени не забудь!

Некая особа купила квартиру в этом вполне себе советской постройки доме и наняла по совету знакомой двух молодых провинциалок-малярш поклеить обои да побелить потолки. Мебели в преображенной квартире практически не было, если не считать двух старых стульев да колченогого стола, которые сами малярши откуда-то приволокли. Хорошо хоть удобства были на месте. И плита была – можно было пельмени варить или филе куриное поджарить. Сроки назначили справедливые, цену по их понятиям – тоже, и Ольга с Ниной спокойно, без ненужной спешки, работали себе, выравнивая, шпаклюя, штукатуря и клея, и ночевали тут же, расстелив на полу туристические коврики.

Ольга подумала, что завтра они все здесь закончат, сдадут работу и должны будут искать новую. Впрочем, подолгу без дела малярши не сидели, найдется чего-нибудь.

Ольга уже закипятила чайник, когда в дверь позвонили. На пороге стоял высокий, но щуплый старик с аккуратно расчесанными седыми усами и несколько менее опрятной седой же шевелюрой, облаченный в когда-то качественные, но ныне старые домашние штаны и вполне новый пиджак.

– Извините, что беспокою вас, Ольга... хм. Не знаю, как вас по батюшке.

– Максимовна, – ответила Ольга.

Голос у незнакомца был по-старчески скрипучий, однако не неприятный, даже скорее наоборот, внушающий некое доверие.

– Ольга Максимовна. Очень приятно, – старик вежливо склонил голову, – Мое имя Гаспар Иванович. Алла Эрастовна мне вас порекомендовала. Говорит: ремонт делаете быстро и, по нынешним безумным меркам, не слишком дорого. А я как раз хотел берлогу свою стариковскую подправить: обои уж и не упомяну когда клеил!

Ольга задумалась: предложение было заманчиво и своевременно, хотя еще предстояло решить вопрос с ночлегом: в этой-то квартире их хозяева не оставят, поди уж послезавтра мебель и прочую обстановку завозить начнут.

– О, об этом не беспокойтесь, – отмахнулся Гаспар Иванович, – Я один живу, места достаточно, уже нешто уголка для ночлега не найдется?

– А цена? – меркантильно поинтересовалась Ольга, хотя внутренне вполне готова была согласиться на очередной заработок.

– А давайте, не считите за труд, ко мне поднимемся, – предложил Гаспар Иванович, – Глянете своими глазами на фронт работ, да и сами оцените.

* * *

Квартира Ольге сразу не понравилась, но чем именно, девушка сказать не могла. Мрачная какая-то это была квартира, безжизненная. Обычно в квартирах одиноких стариков стоит характерный запах, и едва ли в мире найдется человек, который стает утверждать, будто этот запах приятен. Однако здесь этого характерного запаха не было и почему-то от этого было еще хуже.

– Декорации какие-то, – пробормотала Ольга, осматриваясь.

И правда, словно декорации: все внешние признаки, что в квартире живут, есть, а при этом ощущение, будто нет тут никакой жизни.

– Тут две комнаты, – говорил между тем Гаспар Иванович, – Но одна маленькая совсем. Еще коридорчик и кухня. Вы пока большую комнату гляньте, – и предложил, – Вы, Ольга Максимовна, чаю хотите? Я заметил, вы вроде перед моим приходом как раз пить собирались. Так у меня почаевничайте!

– Да я... – начала было Ольга, но хозяин квартиры неожиданно легким шагом уже направился на кухню.

Ольга прошлась по большой комнате, пытаясь понять, что же ее гложет. Да, потолок пора было перебелить лет эдак с дюжину назад, сейчас его белым даже самый благожелательный посетитель не назовет. Обои не лучше. Хорошие когда-то были обои, добротные, и приклеены не кое-как – отдирать нелегко будет. Да только никакой материал не вечен и обойная бумага в том числе.

Странно, подумалось Ольге, отвлекшейся от мыслей о покраске и поклейке, мебель старая, добротная, и стоит здесь как в музее. Вот этот замечательный книжный шкаф нельзя сказать чтобы не открывали вовсе, но, похоже, делают это хорошо если раз в месяц. А внутри – книги. А что еще должно быть внутри книжного шкафа? Правильно: фотографии детей

или внуков, или племянников, или институтского друга, какие-нибудь случайные безделушки, камешки, раковинки, сувениры из поездки в Ялту десятилетней давности. «Декорации», – в очередной раз подумалось девушке.

– Фу, да здесь еще и пауки! – фыркнула она, заглянув за шкаф.

Домовые паучки поспешно спрятались, оставив свои сети.

Осторожно, почему-то пытаясь ступать на цыпочках, Ольга прокралась к маленькой комнате и зашла внутрь. Это помещение было словно бы более жилым: слой пыли неравномерный, шторы на окне явно регулярно раздергивали и закрывали, а старые часы в корпусе из темного дерева размеренно тикали, покачивая маятником. Кроме часов всей мебели в комнате было исчезающе мало: журнальный столик с перекидным календарем да... кровать? Во всяком случае, нечто, которое могло бы быть кроватью, а сейчас стояло, прикрытое широким бордовым покрывалом. И снова – ни одой картины на стенах: ни фотографии сослуживца, ни репродукции Петрова-Водкина, ни столь популярной ныне иконки.

Ольга взялась за край покрывала и приподняла.

– Господи боже мой! – вырвалось у нее.

Под покрывалом на низких козлах из деревянных брусьев стоял большой, обитый потертой черной тканью, гроб.

* * *

На кухне Гаспар Иванович остановился, опершись на кухонный столик. То, что он собирался сделать, требовало некоторого внутреннего сосредоточения. Можно, конечно, и так, но Ольга эта – на вид девушка сильная. Еще начнет сопротивляться и орать, соседей переполошит, те, не ровен час, стражей порядка вызовут. Ни к чему все это!

Гаспар Иванович сосредоточился и даже на несколько мгновений прикрыл глаза.

Хм, да, сильная девушка. Хорошо, что в супермаркет ушла та другая, худосочная. А эта Ольга куда более в теле. Фигуристая, да и на лицо ничего так. Переодеть её из этого рабочего комбинезона – штанов на лямках! – во что-то более приличное, подрумянить да причесать, и была бы первая красавица на какой-нибудь деревне! Волосы вон какие опять же, черные! А лицо вполне славянское, круглое. Видать, лицом в мать пошла, а косу черную до середины спины от отца в наследство получила. Или наоборот.

На мгновение какая-то мысль засвербила в голове у Гаспара Ивановича: откуда ж коса, ежели когда в той, чужой квартире Ольга говорила с ним, у нее волосы были убраны в практичный пучок? Но мысль эту Гаспар Иванович отбосил. Открыл глаза и посмотрел на себя в зеркало, висевшее над столиком. Спина его распрямилась, будто сбросив груз лет, морщины на лице разгладились, седые прежде волосы несколько потемнели, как и усы, из под которых теперь выглядывали удлиненные клыки.

Глупости все это, будто вампиры не отражаются в зеркалах. Преломление света оно преломление света и есть, фотонам наплевать, совсем ты живой или условно! Гаспар Иванович клыкасто усмехнулся и пригладил волосы рукой. Интересно, а мог бы он понравиться этой Ольге как мужчина? Впрочем, ерунда, никогда не следует играть с едой!

Воздух за спиной вампира словно уплотнился. Гаспар Иванович, в некотором замешательстве, резко обернулся – и на мгновение встретился взглядом с огромным хищным зверем, напоминающим пропорциями тигра, только не полосатого, а целиком черного, если не считать чуть прищуренных серых глаз. Прежде чем вампир успел что-либо сделать, зверь рывком – низко, почти не различимо для обычного человеческого уха, и с неожиданным для столь крупного существа проворством метнулся вперед.

Можно убить вампира, втыкая ему в сердце осиновый кол (собственно, так же можно убить любое существо, обладающее сердцем), но не менее результативно отделение головы от

тела. Хищник, сгорбившись, смотрел, как разделенные тело и голова превращаются в серый прах, а потом, брезгливо потрясая лапами, побрел в комнату, где на пыльном полу лежала одежда Ольги.

* * *

– Ты куда подевалась-то? – возмутилась Нинка, – Пельмени уже сварились, скоро расклекнутся! Давай есть скорее.

– Сейчас, – откликнулась Ольга, с удовольствием вдыхая запах пельменей и при этом стоя так, чтобы подруга не увидела ненароком, как сама собой заплетается черная ольгина коса, – Только руки помою.

– Давай-давай, – поторопила ее подруга, водружая кастрюлю на шаткий столик.

– Так куда тебя носило на ночь глядя? – вновь поинтересовалась Нинка чуть позже, когда пельменей в тарелках заметно поубавилось.

– Да так, – отмахнулась Ольга, – Приперся один тип, якобы – ремонт заказать сделать. Ему, видите ли, Алла Эрастовна нас порекомендовала! Вот, а сам потом домогаться начал, козел.

– Вот ведь, – изумилась Нинка и тут же спросила, – Хоть вином-то каким угощал? Или, может, шоколадом.

– Как же! Он за мой счет угоститься хотел! Но я его отшила – больше не сунется! – Ольга победоносно положила вилку и удовлетворенно откинулась на спинку стула.

– Ага, – довольно протянула Нинка, – мы с тобой бабы такие, нам палец в рот не клади!

Избранный

Халакдаон, Верховный чародей Тройдеса, закончил посыпать заговоренным зерном пентаграмму и, постанывая и потирая поясницу, распрямился.

– Это – самое тяжелое, – сообщил он в пространство, – в моем-то возрасте!

Его ученик, Галахадд, почтительно кивнул. В *его* возрасте для него самым тяжелым, а может, и невозможным, было бы заставить пентаграмму работать. Однако Халакдаону шел девятый десяток, и ему обрушить мановением руки башню средней величины было действительно проще, чем согнувшись в три погибели сыпать на землю тщательно отмеренные порции риса, проса и семян колокольчика.

– Все практически готово, – сообщил старый чародей, еще раз критически оглядев пентаграмму, – Галахадд, мальчик мой, тащи сюда мешок. Да, – добавил он, глядя, как ученик, крякнув от усилия, подтаскивает означенный предмет, – сколько, на твой взгляд, там весу?

Галахадд прищурился, прикидывая вес мешка, набитого, судя по форме и дребезжанию, старой посудой.

– Где-то около восемнадцати с половиной туббов, – сообщил он свой вердикт, – Но зачем, учитель?

– Или я никогда не открывал при тебе порталы? – насупился Халакдаон, – Впрочем, действительно, не открывал. Тогда запомни – это противовес. Если что-то проходит в одну сторону, нечто другое, близкое по массе, должно пройти обратно. Запомни же это. Нарушения чреваты самыми печальными последствиями! А сейчас давай, ставь этот хлам сюда, в серединку. Да осторожней, не смести линии!

– Хлам, учитель?

– Разумеется! Не буду же я отправлять в иной мир что-нибудь стоящее! Помнишь примечание второе к тринадцатому пункту "Правил"?

– Если не видно разницы, зачем платить больше? – уточнил ученик, водружая печально звякнувший мешок в центре пятиугольника.

Идти на лекцию не хотелось, тем более что погода была теплая и солнечная. Поэтому, хотя сквозь приоткрытые окна второго этажа донеслась трель звонка, отмечающая окончание перерыва, ни Миша, ни двое его приятелей не двинулись с места, продолжая запивать свое ничегонеделанье холодным пивком. Устроились они для этого занятия, как обычно, на плоской крыше неведомой постройки, с давних пор называемой студентами Бастилией и расположившейся прямо перед покоробившейся колоннадой главного входа на факультет. Помимо прочего, это место было удобно тем, что от окон кафедры его заслоняли бурно разросшиеся клены, а потому гневливая преподавательница увидеть их не могла.

Торопливо пробежали по дорожке между корпусами две студентки, из открытого окна большой зоологической аудитории кто-то запустил самолетик. По улице Кибальчика, простуженно порывкая, проехала маршрутка.

– Может, зря не пошли? – меланхолично осведомился один из Мишиных приятелей, – Там, небось, опять прикольно будет!

– Да ну их, – отмахнулся Миша, – расскажет кто-нибудь. Пойдем-ка лучше, – он поставил на парапет пустую бутылку, – еще пивка возьмем.

Едва он произнес эти слова, как в его глазах на мгновение зарябило. Впечатление было такое, словно весь мир вокруг дернулся наподобие изображения в телевизоре. Крыша под ногами едва заметно дрогнула.

– Что за фигня?! – Миша почесал висок, – Пиво, что ли, несвежее?

Приятеля недоуменно пожали плечами. Миша перегнулся через парапет Бастилии, пытаясь разглядеть, как ему казалось, эпицентр странных колебаний, но ничего не увидел. Тогда он спустился по лестнице и зашел за угол строения.

– Упс, – услышали приятели его голос, – А тут дверь открыта. Она же, вроде, всегда заперта была?

– Ну открыта и открыта, – проворчал один из Мишиных приятелей, – рабочие, небось, открыли. Или там опять китайцы с рынка поселились.

– Эй, Мишка, пошли за пивом! – крикнули уже оба вместе.

Ответом была тишина. Они спустились с крыши и подошли к пресловутой двери, действительно, как правило закрытой на всякий замок. Закрыта она была и сейчас. Мишки перед ней не было, как не было его видно и нигде вокруг. Там, откуда ребята последний раз слышали его голос, стоял пахнущий дымом и навозом большой дерюжный мешок, из разорванной горловины которого высовывалась прогоревшая сковорода и пара мятых кастрюль...

Нельзя сказать, чтобы Миша не верил во всякие межпространственные перемещения и параллельные миры. Скорее, он просто не задумывался о таких материях. Он ни шатко, ни валко учился в одном из столичных вузов, умудряясь каким-то чудом сдавать сессии почти в срок.

– Ну и нифига себе! – сообщил он миру, вместо полуподвала, в который только что шагнул, оказавшись на довольно грязной площади, частично занятой чем-то, что он определил как сельский рынок самого провинциального пошиба. Все лотки были деревянные, заваленные главным образом сельхозпродукцией, и нигде не было видно ни «сникерсов», ни обязательного для любого рынка текстиля китайского производства.

Люди тоже были одеты как-то странно и явно не модно, а некоторые – так и в откровенные грязные обноски. Попалось Мише на глаза, впрочем, и пара типов в кольчугах, металлических нагрудниках и шлемах.

– А, – сообразил Миша, – здесь кино снимают! Интересно, и как я сюда попал? Точно пиво тухлое было!

Он вновь принялся озираться по сторонам, пытаясь увидеть приметы знакомых окрестностей ВДНХ, но вместо этого натолкнулся взглядом на седобородого старика в белой мантии, явно направлявшегося к нему.

– Приветствую тебя, о Избранный! – сообщил старик, остановившись шагах в пяти от Миши, – Я счастлив, что ты откликнулся на наш зов.

– Здравсьте, – отозвался Миша, – А вы здесь кино снимаете? Извините, я как-то случайно сюда попал...

– Я не знаю, что такое «кино», но попал ты сюда неслучайно, о Избранный. Назовись, как твое имя.

– Миша, – честно ответил Миша.

– Ми-Ша. Хорошее имя, – одобрил старик, – На одном из древних языков оно означает "нам все по плечу". Очень достойное имя для воина. Знай же, что это – город Тройдес, а вызвал тебя я, Халакдаон, верховный маг и чародей.

– Зачем? – не придумал ничего лучшего Миша.

– Я объясню тебе позже, здесь не место для бесед. Иди за мной, – повелительно произнес чародей, поворачиваясь.

Озадаченный Миша, пожав плечами, под взглядами успевшей собраться толпы поплелся вслед за степенно удаляющимся Халакдаоном. И тут между лоточниками и прочими зеваками протолкался шуплый человечек, облаченный в долгополый черный плащ с капюшоном, и, наставив на Мишу тощий узловатый палец, заорал:

– Пророчеству не сбыться! Умри же, Избранный!!!

К ужасу московского студента, из пальца незнакомца, потрескивая, вылетела молния и ударила Мишу прямо в лоб. Раздался грохот, синяя вспышка на мгновение ослепила Мишу. Когда же зрение вернулось, он увидел, что стоит посреди закопченного пятна на земле, над площадью кружатся перепуганные грохотом галки, а черного человечка уволакивают прочь двое парней в кольчугах и шлемах.

На лице обернувшегося на шум Халакдаона испуг и смятение постепенно уступали место удовлетворению.

– Все видели? – обратился он к толпе, – Магия бессильна против Избранного! Пойдем же, сын мой, нам о многом надо поговорить.

– Опасность нависла над нашей страной, – сообщил Халакдаон Мише после обеда – весьма недурного, кстати, – Но есть древнее пророчество, что в трудный час придет некий Избранный и, выполнив возложенную на него миссию, спасет положение.

– А в чем будет заключаться моя миссия? – какая-то часть Мишиного рассудка, утверждавшая, что параллельных миров не бывает, взяла отпуск по состоянию здоровья и уехала, остальными же частями Миша уже ощущал себя Героем В Блестящих Латах, гордо восседающим на верном коне.

– О-о, она покажется тебе простой, да по сути такой и является. Видишь ли, соседнее государство давно тщится нас завоевать. Дабы облегчить себе эту задачу, они насылают на наши земли мор, голод и нежить. Надо найти и активировать некий Артефакт, который и защитит нас от всех этих напастей, а без них соседи не пойдут войной на нас. Беда лишь в том, что найти этот артефакт может не всякий.

– А я и есть не всякий! – возгордился Миша, а, подумав, добавил, – А почему такой важный артефакт не держат включенным все время?

– Преклоняюсь перед твоей мудростью, Избранный, – проговорил старик с видимым смущением, – Видишь ли, давно в нем не было особой нужды, а он поглощает очень много магической энергии.

– Энергоемкий – это понятно, – с умным видом кивнул Миша.

В течение трех дней Халакдаон снаряжал Мишу в путь. Для начала он привел его в какую-то комнату, бывшую, как понял Миша, хранилищем магических и вообще особо ценных предметов, и заявил, что Избранный сам легко определит активатор Артефакта. Минут пять Миша, хмуря брови и почесывая нос, прохаживался вдоль стеллажей, рассматривая кольца, браслеты, медальоны, короткие кинжалы и даже, как будто бы кремневый наконечник. Затем ему стало скучно, и он наугад взял с полки перстень-печатку с большим зеленым камнем в оправе в виде стилизованной когтистой лапы.

– О-о! – искренне восхитился чародей и еще несколько человек, при сем присутствовавших, – Вот еще доказательство истинности Избранного.

Миша в очередной раз возгордился, успев, впрочем, заметить, что все восхитились, предварительно глянув на Верховного мага. Вероятно, на самом деле только Халакдаон знал, какой предмет надлежит взять.

Далее последовало обсуждение пути с изучением карты местности и перечислением дорог и переправ. Потом Мише подобрали кольчугу, нагрудник, шлем, наручи и прочие элементы доспехов, а также меч и лошадь. При всей гордости за дело государственной важности, Миша не мог не сознаться, что мечом он не очень-то владеет. На это Халакдаон посоветовал не беспокоиться: дескать, роль Избранного – преодолеть магические препоны и совершить собственно активацию Артефакта, а ежели кто нападет с обычным оружием, так о нем позаботится отряд, что король по его – Халакдаона – совету приписывает к Мише в качестве охраны.

Миша отбыл в путь утром четвертого дня после своего появления в Тройдесе, окруженный десятком бравых вояк в начищенных вороненых доспехах. Сам Миша пытался махать рукой провожающим, то и дело судорожно хватаясь за лук седла.

Когда пыль на дороге улеглась, а зеваки разошлись, Халакдаон поднялся в свои покои и устало опустился в кресло.

– Галахадд, мальчик мой, – окликнул он ученика, – Прикажи подать мне что-нибудь выпить, и начинай собираться в дорогу.

Спустя полчаса Галахадд уже стоял, облаченный в дорожный плащ и новые крепкие сапоги, возле кресла учителя и смотрел, как тот капает в свой бокал лекарство из матово-зеленого пузырька.

– Галахадд, поедешь сейчас до Старалеса, оттуда на корабле доберешься до Певмы. Возьми, этого должно с лихвой хватить на дорогу и на покупку лошади, – старик протянул ученику тяжелый кошель.

– Но ведь морем получится приличный крюк, – неуверенно сказал Галахадд.

– Правильно. Но сейчас устойчиво дует попутный ветер, и в Певме ты будешь уже послезавтра к вечеру. Таким образом, ты будешь опережать этого Ми-Шу по меньшей мере на пол дня.

– Поражаюсь вашей мудрости, учитель, – Галахадд склонил голову, – Ведь народ, похоже, правда поверил в сказку об Избранном. Только вот если его кто-то на самом деле магически атакует? На площади ведь была инсценировка?

Чародей кивнул.

– Я заговорил его доспехи и дал пяток амулетов. Некоторое время он продержится, а дальше это уже не будет иметь значения.

– А кольцо?

– Первое попавшееся. Вообще-то мне было все равно, что он выберет, но то, что это оказался перстень – очень удачно, поскольку Активатор – и в самом деле перстень.

Старик, отставив бокал, порывшись в складках своей мантии и извлек откуда-то сильно потертый тусклый перстенок с печаткой в форме пятилистника.

– Держи. Артефакт активизируется этим. Вход в башню знаешь, как найти. Иди же, не мешкай, и да будут боги к тебе благосклонны и да отвратят от тебя внимание врагов.

Галахадд уже шагнул к выходу, но остановился.

– Можно спросить, учитель? – увидев утвердительный кивок Халакдаона, он продолжил, – Вы же могли отыскать если не Избранного с большой буквы, то, по крайней мере, опытного воина, закаленного в боях, богатого опытом, знаниями и обладающего живостью ума. Почему же вы взяли первого попавшегося?

– Дитя мое, подумав, ты сам бы ответил на свой вопрос. Однако я подскажу: жители того мира вовсе не способны к колдовству, так что тут разницы нет. Могучие воины, как и мыслители – повсеместно немалая редкость. Мы могли бы потратить месяцы на поиск такого, а при этом все равно были бы вынуждены давать ему и магическую защиту, и эскорт. А ты помнишь примечание второе к тринадцатому пункту "Правил"?

Полкоролевства

Ветер рассеянно пригладил сухой рукой верхушки придорожной травы, зашуршав подсохшими к концу лета крапивными стеблями и покачивая головками чертополохов и сиреневыми соцветиями пустырника. Маленькая бурая птичка выпорхнула откуда-то, пискнула тревожно и поспешно скрылась в бурьяне; из дремучих травяных зарослей деловито выбежала полевка и мохнаты шариком прокатилась по дорожной пыли едва не под самыми копытами лошадей.

Лошади шагали мерно и мирно, понуро опутив головы и лишь изредка пофыркивая на редких, но оттого не менее кусачих слепней.

– А ну как энтот гад крылатый объявится? – крепкий бородатый мужик, сидевший на передней подводе, почесался, запустив руку в открытый ворот рубахи и тревожно поглядел на небо. Небо было пустынно и бесцветно, – Помнишь, он осьмого дня аккурат в этих краях обоз пожег.

– Ну и на какого беса мы ему сдали? – собеседник его, даром что безбородый, зато убеленный ранними сединами, шагал рядом с подводой, чтобы поразмять затекшие за долгий путь ноги, – Ежели бы у нас золото было аль серебро, тогда да! Крылатые змеи – они ох как охочи до всякого богатства! Али ежели б мы провиант везли. А с железками, да с полотном, да с сукном что он делать будет? Кафтан себе сошьет?

– Дык он же змей! – упорствовал бородатый, – Это ж не человек тебе, а тварь неразумная! Увидит – везут что-то, да и пожгёт огнем на всякий случай!

– Ну так на такой случай к нам охрана и приставлена, – пожал плечами седой, ловко запрыгивая в подводу, – Эвон, орлы какие!

– Ох боже ж мой! – покачал головой бородатый, – И так всего доходу – одни убытки, так еще этих орлов твоих корми! Скоро все по миру пойдем, ежели кто дракона не укокошит! И хорошо, если хоть с сумой пойдем, вообще живы останемся.

– А ну тихо! Разбалакались тут во всю глотку! – капрал стражи проскакал вдоль всего обоза и попридержал коня у первой подводы, – Ан как ящер где в кустах спать залег, а вы голосите на всю округу!

Мужики обиженно замолчали, спорить не стали. Ан как и правда где рядом спит?

Капрал же проехал вперед обоза, догнав двух конников, двигавшихся в сотне шагов впереди подвод, в авангарде. Он был откровенно недоволен возложенной миссией по охране каких-то третьеразрядных купцов, но приказ есть приказ: король строго распорядился – ни торговым людям, ни жрецам, ни вельможам без охраны за стены городов и частоколы сел даже носа не высовывать. А большинство и не высовывало. Служители культа затворились в храмах да знай себе возносят молитвы за упокой чудища. Купцы, что позажиточней, запаслись снедью, как в осаду, и вообще из домов не выходят, а товары позапирали в складах или же сбывают свои менее удачливым собратьям «по разумной цене». А все из-за какого-то змея крылатого, будь он неладен!

– Все спокойно! – доложил один из конников и добавил после паузы, – Пока.

– Думаю, я бы заметил, если бы что-то вдруг стало не спокойно, – огрызнулся капрал, – Держите ухо востро! Сами понимаете, если эта тварь объявится – первыми же под удар попадете.

Он ошибался.

Раньше, чем до его ушей донеслись предостерегающие, а затем и перепуганные крики и ржание лошадей, раньше, чем капрал услышал свист воздуха в крыльях, одна из подвод в середине обоза буквально превратилась в огненный шар и опрокинулась, подминая под себя бурьян. Дракон, пригибая траву, пронесся над обозом, небрежно выдернув из седла ближай-

шего стражника и отшвырнув его в сторону и заложил вираж, удивительно плавный для столь внушительного существа. Убедился, что внимание всех присутствующих приковано к нему – и вновь пролетел над обозом, но теперь уже не поперек, а вдоль ряда подвод, не обращая внимания на гудение арбалетных болтов, которые принялись выпускать по нему пришедшие в себя стражники.

Он явно не собирался грабить обоз и забирать ненужные ему железные слитки, сукно и прочие товары. Все это он просто сжег.

* * *

– Это возмутительно! Это переходит всякие границы!

Канцлер оторвал глаза и перо от лежавшего на конторке листа, в котором пару мгновений назад что-то ожесточенно черкал, и взглянул на короля.

Его величество, в съехавшей набок короне, завернувшись в мантию, вышагивал вправо-влево по тронному покою и гневно потрясал пачкой исписанных пергаментов.

– Не, ты послушай! – говорил он, срываясь на фальцет, – Что творится! Эта тварь практически прекратила всякую торговлю! Во всех донесениях от градоначальников пишут, что народ сидит по домам, лишний раз боясь показаться на улице, не говоря уже про то, чтобы отправиться хотя бы в соседнюю деревню!

– Полно, ваше Величество, – выразил сомнение канцлер, обтерев кончик пера о тряпочку и отложив письменный прибор, – Ящер лютует всего в одной части страны.

– Да? Ты это им объясни! – король потряс обреченно зашуршавшими листами перед лицом канцлера, – Они боятся! Как можно заставить купца торговать, если он не хочет? Никакой купли, никакой продажи – и никаких налогов, соответственно! И добро бы дракон зарился на что-то определенное – те же подати собранные воровал бы или еще что. Но этот отпрыск преисподней жжет своим поганым огнем все подряд! А поэтому и за жизнь свою никчемную дрожат тоже все подряд!

– Я вчера имел беседу со вторым министром, – продолжал король, чуть понизив тон, – Так он меня еще больше порадовал. Говорит: скоро урожай будут собирать, его бы селянам как раз на ярмарки да рынки везти, а тут дракон! И свирепствует аккуратно в той части королевства, где урожаи самые... хм, урожайные. И, говорит, это значит, что половина городов без провианта к зиме останется. А, каково?

Канцлер некоторое время задумчиво смотрел на фреску за королевской спиной. На фреске – вероятно, довольно старинной – крепкого сложения рыцарь пронзал мечом блестяще-черного дракона, одновременно заслоняясь щитом от пламени, изрыгаемого гибнущим ящером. Облачен был рыцарь несколько странно: в меховые сапоги и меховую же безрукавку, надетую поверх кольчуги. То ли художник пытался показать, что дело происходило в стародавние времена, когда латный доспех еще не придумали, то ли в те времена рыцари и в самом деле одевались на бой подобным образом.

– Это может создать неблагоприятный образ нашего королевства среди соседей, – сказал он наконец, – Не в первый раз появляется на земле столь свирепое чудовище, а мы с ним, видите ли, не можем справиться.

– Образ? – возмутился король, – Да у нас таким манером от королевства только образ через пару лет и останется! Если бы кто-то из моих венценосных собратьев вздумал нам грозить войной или же дикие племена с севера пошли в набег, я знал бы, чем им ответить. Но гоняться за змеем по лесам и болотам армия не может! Он просто улетит, едва они к его логовищу подберутся, а потом будет вылавливать понемногу! Бывало уже такое!

– Да, да, припоминаю, – канцлер покивал седой головой, – Дружина его величества Арзеса лишилась так двух лучших отрядов... В таком случае, нужно послать хороших бойцов,

с которыми ящер не побоится сойтись в битве и один из которых его в конце концов победит. Главное, пообещать им что-нибудь хорошее.

Король перестал расхаживать, замер, и в его глазах отразилась работа мысли.

– Обычно в таких случаях руку принцессы обещают, – пробормотал он, – так ведь нет у меня дочери... Так, – его Величество резко выпрямился, отчего корона перекосилась на голове еще сильнее, и отбросил в сторону пергаменты, осенними листьями разлетевшиеся по мозаичному полу, – Позови писаря! Нет, к бесу писаря, сам напиши. «В лето 387-е мы, король Эмонд Сарус второй, повелеваем...» Записал? «...повелеваем: объявить всем посвященным рыцарям, всем мужчинам знатных родов, достигшим совершеннолетия и способным держать пику и меч, что тому из них, кто не побоится выступить против разоряющего наши земли дракона, одержит над сим гадом победу и предъявит убедительные доказательства оной победы, передать в полное владение все земли королевства к югу от Одды и к западу от Мзасса вместе с герцогским титулом и всеми полагающимися почестями.»

– Это ж почти что полкоролевства! – возмутился канцлер.

– Вполне в соответствии с легендами: раз королевской дочери нет, так надо половину королевства отдать, – невесело усмехнулся его Величество, – Лучше уж часть земель потерять, чем все, ежели это поможет, конечно. А ежели нет, так нас уже через год кто-нибудь из соседей голыми руками возьмет целиком.

– Может быть, – не согласился канцлер, – вам, ваше Величество, все-таки посоветоваться с первым министром?

– Я король или кто? – возмутился его Величество, – Дописывай, дописывай, да я печатью своей скреплю. А министр, ежели с моим решением будет не согласен – ну что ж, впадет в немилость на годок-другой.

* * *

Дверь маленького трактира открылась, пропуская нового посетителя. Тот, войдя с освещенной улицы в мрачное, закопченное и озаренное только светом пары факелов да очага помещение, остановился у порога и принялся осматриваться.

Трактиры продолжали шаткое существование, балансируя на грани разорения. С одной стороны упорно ходили слухи, что дракон одиноких путников не трогает – видать, отъедается во время нападений на обозы и реагировать на всякую мелочь уже считает ниже своего достоинства. А, поскольку чуждый предрассудков ящер лихих людей тоже приел – по крайней мере тех, что ватагами передвигались, то одинокие путники по тракту нет-нет да и проходили и многим из них нужен был стол, а то и кров. С другой стороны, свежих продуктов не было, да и не понятно когда предвиделись, так что трактирщик мог рассчитывать только на собственную запасливость.

Молоденькая подавальщица подбежала к гостю и поинтересовалась, что ему угодно.

– Пошли кого-нибудь покормить коня, – голос у незнакомца был низкий и рокошующий, подстать могучему сложению, – А мне подай-ка мяса и пива. Стой, скажи еще, есть ли здесь охотники за драконом?

– Угадали, милостивый господин, – улыбнулась девушка, – есть. Вон за тем столом сидят двое!

Незнакомец обратил взгляд к указанному столу, за которым поглощали упомянутое мясо с пивом два человека, судя по облачению имеющие отношение к рыцарскому братству. Одного – усатого и с бородкой, одетого более скромно, незнакомец для себя определил как странствующего рыцаря-бакалавра, второй же, помоложе и явно побогаче, был, скорее всего, младшим отпрыском какого-нибудь графа или хотя бы барона.

В свою очередь те двое прервали трапезу и тоже стали с легким подозрением рассматривать вновь прибывшего. Был он высок и широк в плечах, но при этом чем-то напоминал варвара из северных степей: глаза чуть раскосые, черные тонкие и длинные усы, обут в мягкие сапоги, а поверх кольчужного доспеха накинута меховая безрукавка.

– Ну что, собратья-рыцари, – нарушил молчание незнакомец в безрукавке, – разрешите ли присоединиться к вам и разделить, так сказать, трапезу?

Лицо молодого дворянина выражало скорее отрицание. Странствующий рыцарь однако же привстал со стула, отвесив легкий полупоклон.

– Я – Элас Роторский, рыцарь-бакалавр, а напротив меня – благородный баронет Шолл. Ты назвал нас собратьями, незнакомец. Назови то имя, под которым тебя знают в городах и селах королевства, и, ежели оно известно и нам тоже, присоединяйся.

– Учитывая речь выдает истинного рыцаря, – незнакомец отвесил кивок, должный, вероятно, сойти за ответный поклон, – Я не слишком известен в городах королевства, но кое-где меня знают под именем Вальзамира, маркиза Эрольского.

На мгновение повисла пауза. Баронет Шолл медленно поднялся со стула.

– Вы – тот самый Вальзамир? – проговорил он наконец, – Тот самый, что расправился с драконом, напавшим на Арзеса? Для меня великая...

– Тот самый, – ответил Вальзамир, опускаясь на жалобно скрипнувший стул, – За что и получил от его Величества Арзеса Эрольский маркизат.

– Это выдающееся деяние, – согласился рыцарь Элас, – и я, как и наш молодой друг, почту за честь сидеть за одним столом с совершившим оное. Но позвольте, прошло более двадцати лет, а я всегда полагал, что Вальзамир уже тогда был отнюдь не юн.

Вальзамир исподлобья посмотрел на него.

– Вы заблуждались, к тому же мне многие говорят, что я выгляжу моложе моих лет, – ответил он тоном, дававшим понять, что не собирается развивать эту тему.

Тут появилась подавальщица – вместе с тарелкой жаркого и большой кружкой пива.

– Вы бы, господа рыцари, поторопились, – громким шопотом сообщила девушка, – а то это уже почти что последнее пиво. Ежели этого ящера кто не погубит наконец, постояльцы будут одной колодезной водой еду запивать!

Это ужасное предупреждение немедленно развеяло повисшую было в воздухе неловкость. Вальзамир громко отхлебнул пива и на некоторое время погрузился в мясо – в прямом и в переносном смысле.

– Если последнее, – философски заметил Элас, – то, милая девушка, принеси и нам с баронетом еще по кружке.

– Ну и как вы, господа, собираетесь одолеть ящера? – поинтересовался Вальзамир, утолив голод, – Есть ли у вас план или какой-нибудь опыт?

– Наше время бедно на чудовищ, – печально покачал головой Элас, – и странствующему рыцарю нелегко ни совершить подвиг, ни набраться соответствующего опыта. Помню, я трижды бросался уничтожать монстров, поверив слухам. Но гидра на деле оказалась всего лишь двуглавым ужом-уродцем, поселившемся под колодой в чьем-то дворе, плотоядный вебрь – и вовсе выдумкой недалеких селян. Лишь огромный барс-людоед был настоящим и был-таки мной сражен, несмотря на потерю мной в ходе боя меча. Зверь, однако же тоже был оглушен и, пока он приходил в себя, я нашел толстый и острый дубовый сук. И, едва барс на меня кинулся вновь, я ему воткнул прямо в...

– Не буду врать, сколь бы ни обидной была правда, – прервал его баронет, – у меня нет даже такогo опыта. И я могу надеяться лишь на свою силу и ловкость, отточенные в упражнениях, да на отцовский щит, якобы заговоренный от драконьего пламени.

– Так, понятно, – кивнул скорее каким-то своим мыслям Вальзамир, – Мой опыт тоже невелик. Некогда мне просто удивительно повезло. Но я, по крайней мере, видел дракона, и не раз.

– Не раз?! – изумился баронет Шолл.

– Не раз. Прежде чем что-то предпринять, я провел дни, таясь по кустам и оврагам, чтобы хоть немного понять дракона, его привычки и образ действий. И вот то главное, что я понял: практически ничему, что пишут или говорят о драконах, верить не стоит.

– А чему стоит? – поинтересовался Элас.

– Ничему не стоит. А стоит помнить две вещи. Драконы умны, но не так как люди. Глупо полагать их тупыми животными и столь же глупо думать, будто драконы разделяют человеческие эмоции и переживания. И второе – стремящиеся к своей цели драконы хитры и коварны и невозможно знать заранее, как они поступят.

– И что же из этого следует? – спросил баронет.

– Следует, что никому не удастся сразить дракона в одиночку! Может, вы не знаете, но уже четверо претендентов на обещанную королем награду ее точно никогда не получают, а, кроме нас с вами, похоже, больше дураков нет.

– Но у вас же получилось однажды! – воскликнул Шолл.

– Мне повезло, крупно повезло, – проговорил Вальзамир, – Тот дракон был моложе и неопытнее нынешнего. Я наблюдал за ним...

– Что?! – не сдержали изумление оба рыцаря.

– То. Я не безумец, чтобы совать голову в пасть чудовища. И не гидра – у меня голова всего одна. Разумеется, я наблюдаю за драконом уже несколько дней.

– Вот что я предлагаю, – продолжил Вальзамир, отхлебнув пива из свежей кружки, – Ни в коем случае нельзя нападать на дракона на открытом месте. Ни мечем, ни копьем, ни из арбалета поразить его с первого раза не удастся, а, если у него будет возможность, он немедленно поднимется в воздух – и пиши пропало. Летящего его, быть может, сотня арбалетчиков смогла бы сбить раньше, чем он бы их испепелил, но нас всего трое и у нас нет никаких шансов.

Но у ящера берлога в старой штольне: добывали там чего-то, потом рудник забросили, но поселились в нем лихие люди, Дракон их, видимо, приел и занял их место. Я себе подобные рудники представляю. Они иной раз запутаны, с боковыми отнорками и пересекающимися коридорами, но зато достаточно узкие. Дракону в них быстро развернуться не удастся, а, попробовав расправить крылья, он себе будет лишь мешать. Огнем он тоже будет плеваться осторожно, иначе порушит крепи и может вызвать обвал, который его же самого и похоронит.

Я подсмотрел, что в середине дня ящер не показывается – видимо, отдыхает. В это время, когда солнце ближе всего к зениту, нам надо проникнуть внутрь и разыскать дракона. Найдя, главное не потревожить. Если получится – нападём все вместе. Кому будет сподручнее всего, должен отрубить хвост. Это грозное оружие, скажу я вам. Далее надо постараться повредить крылья – на случай, если дракон все-таки вырвется наружу. Ну и, наконец, заняться его головой.

– А кто же победит? – поинтересовался баронет.

– И правда, о чьем же подвиге будут слагать баллады? – присоединился Элас.

– Послушайте, – подергав себя за ус, сказал Вальзамир, – Мне все равно, кто именно сразит ящера. Чудовище разбойничает прямо у границ маркизата, и мне нужно, чтобы хоть кто-нибудь с ним справился. А так... Ну пусть те, кто останется в живых, потом и сравнят, кто больше сделал и кто проявил больше бесстрашия.

* * *

Первый скелет им попался в каких-нибудь трех верстах пути от проезжего тракта. Вальзамир справедливо заметил, что вблизи драконьего логова кони будут их только выдавать, а внутри так и вовсе не понадобятся. И трое драконоборцев оставили лошадей в лесочке, стреножив, но не привязывая, и двинулись далее пешком по полuzаросшей бурьяном дороге, по которой некогда вывозили руду и доставляли припасы для горняков.

Вот на этой-то дороге и раскинулся обгорелый костяк, буквально впечатанный в пятно сожженной земли. Судя по некоторым спекшимся и местами оплавленным кускам металла, покойный был рыцарем и в этот последний для себя миг сжимал в руке верный меч. Рыцарю, вероятно, повезло встретить змея на относительно открытом месте, когда тот либо отправился перекусить, либо возвращался после охоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.